

КОГНИТИВНЫЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКАХ

Ким О.А.

К.ф.н., ст. преп. кафедры корейской
филологии УзГУМЯ
Ташкент, Узбекистан
tideson@mail.ru

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19676862>

Аннотация. Статья посвящена анализу эвфемизмов для обозначения оспы в русской и корейской лингвокультурах. Особое внимание уделено их культурным значениям, связанным с традициями двух народов. Рассматриваются семантические, ритуальные и символические аспекты, выявляющие сходства и различия в подходах к табуированию оспы.

Ключевые слова: эвфемизм, народные верования, традиция, ритуалы, оспа, символика.

Эвфемизмы – неотъемлемая часть языковой картины мира, отражающая менталитет и культурные ценности народа. В разных лингвокультурах использование эвфемизмов для обозначения болезней связано с желанием смягчить их восприятие и символически контролировать влияние. Русская и корейская культуры представляют интересный материал для изучения данной темы, демонстрируя как уникальные, так и универсальные черты в подходах к табуированию.

Особое отношение к инфекционным заболеваниям в русском фольклоре объясняется их связыванием с воздействием сверхъестественных сил. Нарушение социальных норм воспринималось как причина болезни, а борьба с ней выражалась через магические действия, включая обряды и символическое очищение.

Народные методы борьбы с болезнями основывались на обрядах и символических действиях, которые выражали стремление как защитить себя от недуга, так и «умилостивить» или «изгнать» его [7, с. 56]. К таким методам относились эвфемизация (использование смягчённых наименований для умилостивления болезни), заговоры, обряды изгнания, применение оберегов, символическое очищение, коллективные ритуалы, т.е. «магия слова» [7, с. 132].

Например, в «Словаре эвфемизмов русского языка» представлены различные эвфемистические обозначения инфекционных заболеваний. Для оспы использовались термины «гостья» и «чёрная немочь», а для кори – «глазная» и «червоточина» [7, с. 89]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Даль упоминает оспу под эвфемизмом «гостья» [1, с. 143]. Такие наименования демонстрируют не только стремление смягчить негативное отношение к болезни, но и тесную связь с фольклорными представлениями.

В работе «Исторические корни волшебной сказки» Владимир Пропп отмечает, что оспу персонифицировали как мифологическую сущность. Например: «*Госпожа оспа* ходит по миру, детей себе забирает.» [5].

Заговоры против болезней были распространённым методом их «лечения» или предотвращения. Они основывались на эвфемизации болезни, что позволяло обращаться к

ней как к одушевлённой сущности. Ласковые эпитеты (*госпожа, матушка, красавица*) смягчали негативное отношение к болезни. Для защиты от оспы использовались обращения: «Оспа-матушка, будь милостива, мимо дома иди.»; «Оспа-красавица, не тронь ни кожи белой, ни лица милого.»; «Оспа-оспица, ступай за море, за горы, там и живи.»; «Оспа-красавица, бери себе серебро и золото, отступай от ребёнка.» А упоминания географических мест (*за море, за горы*) создавали образ удаления болезни из дома или деревни.

Владимир Пропп отмечает, что обереги изготавливались из растений, металлов или других материалов, которые считались «защитниками» от болезней, к ним можно отнести следующие: красные ленты или нитки привязывали к запястьям детей для защиты от кори и оспы; зверобой и полынь клали под подушку или вешали над дверью, чтобы отогнать болезни [6, с. 47].

Для изгнания болезней из дома или деревни применялись ритуальные действия: обход деревни с огнём, когда жители деревни шли с зажжёнными факелами, чтобы «выжечь» болезнь, а предметы, символизирующие болезнь (например, куклы или горшки), выносили из дома или за пределы деревни.

Ритуалы очищения использовались для защиты от болезней: окуривали дома, сжигая полынь или можжевельник, для очищения пространства; купались в целебных водах, т.к. считалось, что омовение в святом источнике помогает защититься от болезней.

Коллективные действия общины играли важную роль в борьбе с эпидемиями, к ним относились молебны и крестные ходы, во время которых жители собирались для молитвы и обхода деревни с иконами и святой водой; в некоторых случаях символически жертвовали животное или оставляли хлеб в поле, чтобы «умилостивить» болезнь.

В корейской культуре лексема «손님» [sonnim] *гость* также использовалась для обозначения оспы (천연두 [cheonyeondu]). Оспа обозначалась эвфемизмами 큰손님 [keunsonnim], 손님마마 [sonnimmama] (букв. *большая гостья, величество гостья*). Однако её значение двойственно: с одной стороны, это проявление уважения, с другой – скрытое желание избавления.

В шаманском «обряде для гостьи» (손님굿 [sonnimgut]) *гостья* в значении «оспа» рассматривалась как внешняя сила, приносящая беспокойство. Исследования Пёна Сон Хвана и Хона Тхэ Хана подчёркивают, что ритуалы, связанные с «손님» [sonnim], включали одновременно почитание и изгнание. Временный характер такой гостьи и её навязчивость ассоциировались с понятием «귀찮다» [gwinchanta] *надоедливая*.

Пён Сон Хван пишет: ««손님» [sonnim] – это внешняя сущность, которую необходимо уважать, но в то же время бояться. Это имя божества также несёт значение почтения, смешанного с желанием держаться на расстоянии.» [4, с. 15]. В свою очередь, этнолог Хон Тхэ Хан отметил: «В восточном регионе ритуал «손님굿» [sonnimgut] связан с обрядами почитания божества, вызывающего оспу и корь, при этом целью обряда было изгнание этой сущности» [8, с. 73].

Шаманские практики демонстрируют культурный подход к табуированию болезней через ритуальное уважение и символическое изгнание. Например, болезни «отправляли» за горы или море, что перекликается с русскими заклинаниями: «Оспа-красавица, ступай за

море, за горы».

Обе лингвокультуры используют эвфемизмы как средство смягчения восприятия болезней и управления страхом перед ними. Однако в их основе лежат разные традиции. В русской культуре эвфемизация направлена на умиловивление болезни через персонификацию и ласковые эпитеты: «госпожа», «матушка». В корейской – на сочетание уважения и изгнания: болезнь воспринимается как нежелательный гость, которому следует указать путь ухода. Русская традиция сильнее связана с магическими действиями, включая заговоры и коллективные ритуалы, тогда как корейская акцентирует ритуальную роль шаманизма. Обе культуры демонстрируют взаимосвязь между языком и коллективным подсознанием, формируя специфические подходы к табуированию. В то же время, культурные различия, выраженные в ритуалах и лексических конструкциях, подчёркивают уникальность каждого народа.

Изучение таких языковых феноменов позволяет глубже понять взаимодействие языка, культуры и коллективного менталитета. Оно также демонстрирует универсальность человеческой природы в стремлении преодолеть страх через слова.

References:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 736 с.
2. Елькин Д. Ю. Межкультурный диалог в процессе обучения иностранным языкам //Символ науки. – 2025. – №. 6-1. – С. 95-98.
3. Каримов Р. Г., Елькин Д. Ю., Ким О. А. Лингвопрагматический анализ деловой корреспонденции на корейском и узбекском языках //The Scientific Heritage. – 2023. – №. 106. – С. 35-40.
4. Пён Сон Хван. Формирование и трансформация «Соннимгут Муга». – Культура и слияние, Ассоциация корейской культурной интеграции, 2007. – 214 с.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Академия наук СССР, 1946. – 344 с.
6. Пропп В.Я. Русский фольклор: Народные традиции, обычаи и поверья. – Л.: Академия наук СССР, 1957. – 289 с.
7. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 172 с.
8. Хон Тхэ Хан. Исследование «Песен шаманских ритуалов Соннимгут». – Исследование корейских эпических песнопений, Издательство «Минсоквон», 2002. – 185 с.
9. Nasyrova N. A. What is creativity and what is its role in human life? //European research: innjvation in science, education and technology. – 2020. – С. 65-67.